

труда, показал святость человека-труженика, не утратившего связь с животворной природой.

Не избежав назидательности, повесть эта всё же ступень в творческом развитии Григоровича. Если ранее, в рассказах «Деревня» и «Антон-Горемыка», показаны лишь боль и жестокость действительности и совершенное отсутствие нравственного смысла жизни, то здесь уже изображён народ, хранящий историческую память своего земледельческого труда, гармонически связанный с землёй, которая и формирует целостного человека.

«Нянюшка Дюма»

5 июля 1858 года в культурной жизни России случилась настоящая сенсация – в Петербург прибыл известный романист Александр Дюма, автор «Графа Монте-Кристо» и «Трёх мушкетеров». Дюма путешествовал по России год, с июля 1858-го по март 1859-й. За это время он посетил Петербург, Карелию, остров Валаам, Углич, Москву, Царицын, Астрахань, Калмыцкие степи, Закавказье.

Удачным это путешествие и пребывание в России французского романиста можно назвать не в последнюю очередь потому, что рядом с ним оказался писатель Григорович.

Из воспоминаний А.Я. Панаевой: «Знаменитый французский романист Александр Дюма, приехав в Петербург, гостил на даче у графа Кушелева, и литератор Григорович сделался его другом, или, как я называла, «нянюшкой Дюма», потому что он всюду сопровождал французского романиста. Григорович говорил как француз, и к тому же обладал талантом комически рассказывать разные бывалые и небывалые сцены о каждом своём знакомом. Для Дюма он был сущим кладом».

Об этом же писал и Иван Панаев в своем фельетоне: «лучшего путевода по Петербургу г. Дюма не мог бы найти. Ему (Григоровичу. – О.Д.) знаком Петербург во всех его подробностях, начиная от аристократических салонов, до самых последних и тёмных закоулков толкучего рынка».

Беседы с Григоровичем явились для Дюма путеводителем по истории русской литературы, и те страницы книги Дюма «En Russie», которые посвящены Пушкину, Полежаеву, Некрасову, современным журналистам и самому Григоровичу, обязаны своим происхождением сообщениям Дмитрия Григоровича.

Путешествие на «Ретвизане» (1858–1859)

В 1858 году по приглашению Морского министерства Дмитрий Григорович совершил путешествие вокруг Европы и описал его в ряде очерков, получивших название «Корабль «Ретвизан». Такой опыт путешествия русского писателя уже был не нов и памятен путешествиями Карамзина и Гончарова. Именно об этом, приглашая к путешествию, Григоровичу и сообщили: «Что касается цели, с какой в экспедицию приглашают литератора, – цель самая простая, естественная: вы поедете на том основании, как Гончаров ездил в Японию».

В отличие от путешествия Гончарова к восточным берегам, маршрут Григоровича был европейским. Литературная экспедиция побывала в Германии, Дании, Испании, Италии, Греции, Франции.

По технической оснащённости корабль не уступал лучшим судам иностранных морских держав. На «Ретвизане» все было сделано руками русских мастеров. А шведское название («ретвизан» значит «правосудие») напоминало о славной победе Петра: корабль с таким названием был пленён русскими. С тех пор имя «Ретвизан» сохранилось в нашем флоте. Патриот Григорович радуется появлению «Ретвизана», построенного в Петербурге в 1855 году: «...на нём всё русское, национальное, начиная с леса и кончая машиной <...> «Ретвизан» выражает, следовательно, две мысли, которые в одинаковой степени могут удовлетворить нашу гордость: победа над шведами и, главное, преуспевание наше в кораблестроительном искусстве».

Из каждого приморского порта Григорович в компании попутчиков стремится попасть вглубь континента. Коляской или поездом, он хочет попасть в Копенгаген и Париж, Гамбург и Севилью, оставляя «Ретвизан» далеко позади на долгие недели отсутствия.

В каждом городе писатель, если позволяют время и возможности, ходит на вечерние представления. Это важно для того, чтобы зафиксировать настроения и наряды публики, но ещё и для того, чтобы выдать умозаключение, касающееся ментальных особенностей той или иной чужой культуры.

Книга отличается искренностью и неподдельностью, живостью языка, подробными пейзажными зарисовками, написанными, словно кистью художника и детальнейше передающими архитектуру, пейзажи, одежду, нравы.

«Приморские Альпы, которые поражают своим строгим, величавым характером от Виллафранки и далее до Монако, совершенно изменяют свой вид по мере того, как приближаешься к Ницце. Отвесные голые скалы, узкие темные ущелья, кремнистые края, исполованные трещинами, – все постепенно сглаживается и уступает место почве, покрытой роскошной растительностью. От этого самые цвета скалов, окружающих Ниццу, получают особенную какую-то, бархатную нежность; глаза не перестают тешиться разнообразною гаммою красок, которых не в силах была бы передать даже живопись».

На посту секретаря Общества поощрения художников (1864)

Мир искусства привлекал Григоровича ещё с детства, а если точнее, восприимчивость к прекрасному была передана ему на генетическом уровне, унаследована от просвещённых предков-французов, неутомимой и энергичной бабушки и образованной любящей матери.

Ещё в пансионе мадам Монигетти юный Григорович с удовольствием посещал уроки рисования в Строгановском училище, позже поступил в Академию художеств, но не окончил её. В дальнейшем это природное стремление находит благодатную почву в общении с известными писателями и деятелями искусства, группировавшимися вокруг журнала «Современник». Григорович начинает увлекаться собиранием картин и художественных раритетов, приобретает известность знатока-коллекционера, превосходно знающего изобразительное искусство.

В 1864 году Д.В. Григорович принимает пост секретаря Общества поощрения художников (после 1882 года – художеств) и занимает этот пост в течение двадцати лет, что принесло ему не просто удачу, а определило судьбу на много лет вперёд. За время его многолетней работы в обществе поощрения художников сфера деятельности этой организации намного расширилась. Ещё в статье «Императорская Академия художеств» (1858) прослеживается главная тенденция его искусствоведческой деятельности – популяризация основ искусства среди широких слоёв населения и в особенности знатность и продвижение русской школы живописи, которую тогда почти не признавали. Под его руководством Общество поощрения художников (ОПХ) обратило большое внимание русскому декоративно-прикладному искусству. Дмитрий Григорович принимает активное участие в развитии Московского художественно-промышленного музея и школ – Рихельской в Петербурге и Строгановской в Москве, считая, что для России их недостаточно. Задачи развития этих школ Григорович видел в использовании лучшего западного опыта в преподавании, открытии при школах мастерских с целью применения рисунка к технике производства, открытии библиотек, постоянных выставок-продаж предметов всех отраслей изящного промышленного производства местных фабрик и мастерских, а также работ мастеров этих школ.

Имея широкие связи в художественных кругах, Григорович привлекал к преподаванию в Рихельской школе при Обществе лучших художников того времени, среди которых был, к примеру,

Санкт-Петербург. Здание Общества поощрения художеств. (ул. Большая Морская, 38 – наб.р. Мойки, 83)

И.Н. Крамской, умело использовал средства меценатов, в том числе и царской семьи.

Очень верное обобщение о сущности «Общества» сделано В.И. Покровским, экономистом, редактором, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в книге «Д.В. Григорович: его жизнь и сочинения»: «Это общество, образовавшееся благодаря частным пожертвованиям и пособиям от правительства, представляет замечательный пример быстрого и вместе с тем прочного развития <...>. Душой этого общества был Григорович. Ради тех художественных целей, которое преследовало общество, Григорович в цвете развития своего литературного таланта и своей известности почти бросил занятия литературою и отдался всем сердцем новому делу. Он собрал по Европе драгоценнейшие образцы художественной промышленности и работал по образованию музея и школы с таким знанием дела и с той несокрушимой энергией, которые у нас так редки. Он всего себя отдал этому делу, которое и выросло благодаря тому, что в него вложена была вся душа человека. Эта деятельность не бросается в глаза, о ней не кричат, но о ней говорят прочные результаты, она закладывает целую систему учреждений подобного рода, образует своего рода науку в наглядной и неустанной деятельности лица, которое так превосходно обнимало и сооружало и подробности, и общий план. Руководимое Григоровичем Общество поощрения художников представляло собой как бы частную академию, во многом дополнявшую и поправлявшую академию официальную. Эта частная академия была менее проникнута классическою рутинною и более доступна новым веяниям и течениям в искусстве. В ней жил литературный дух, которого сильно недоставало казённым академикам, и она была ближе, роднее молодым талантам. В 1860–1870-е годы в печати выходят его статьи как критика-искусствоведа: «Несколько слов о поощрении художеств в России»; «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной выставке в Париже 1867 г.», «Выставка учеников императорской Академии художеств»; «Очерки художественно-промышленного производства».

«Дело, порученное мне, заинтересовало меня с самого начала, и чем больше я входил в него, тем больше оно меня завлекало», – писал Григорович в мемуарах.

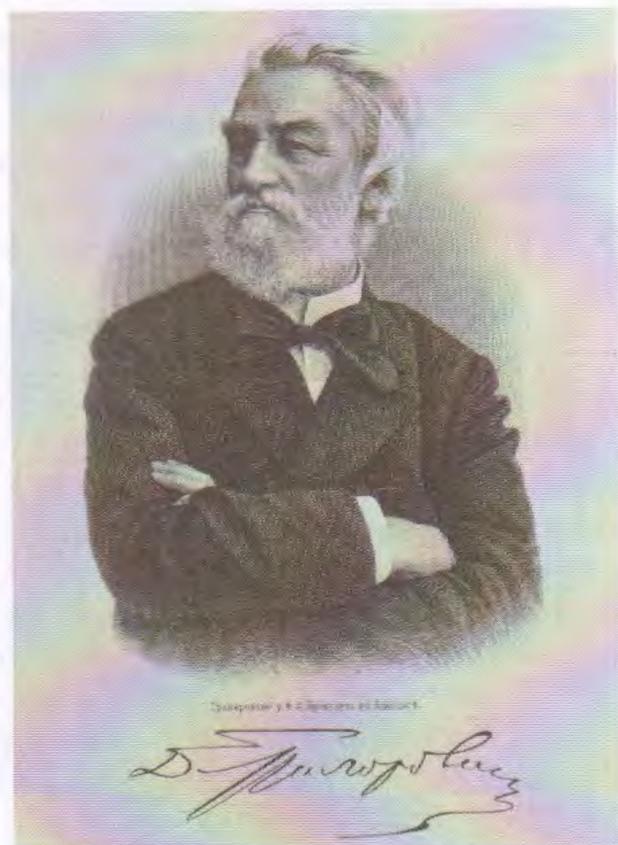
Как справедливо замечает В.П. Мещеряков в своём исследовании «Д.В. Григорович – писатель и

искусствовед», «... для официального и общественного мнения (редкое по тому времени единодушие) Общество поощрения художников и имя Д.В. Григоровича представлялись неразрывно связанными».

Григорович стал автором первого описания музейного хранилища Эрмитажа. В путеводителе «Прогулка по Эрмитажу» (СПб., 1865) он развивал свою мысль: «*Эрмитаж со всеми заключающимися в нём сокровищами невольно приподымает чувство национальной гордости, действует в пользу развития вкуса, незаметно просвещает посетителя, так как удовольствие, которое дает созерцание предметов художеств, зарождает в душе одно из лучших чувств – любовь к изящному и мало-помалу обращает в потребность высокие эстетические наслаждения <...> Произнесите слово Эрмитаж! В любом конце России – каждый уже слышал его. О нём спрашивают даже те, которые никогда не бывали в Петербурге».*

Парламентёр русской культуры

В апреле 1867 года в Париже открылась Всемирная выставка произведений земледелия, промышленности и художеств. Дмитрий Григорович был назначен Генеральным комиссаром Русского отдела. На Марсовом поле для неё возвели огромное здание из стекла и железа, внутри которого разместились 7 экспозиционных галерей. 70 гектаров прилегающей площади заняли более 200 больших и малых павильонов. Всего в выставке участвовали около 42 тысяч экспонентов. Русский отдел насчитывал более 1300 предметов. Всё то, что было новым и передовым в науке и технике того времени, было представлено на этой выставке: телеграфный аппарат Хьюга, электрические фары, подводный кабель; гидравлический лифт, шарикоподшипники, механическая тестомешалка и более совершенные земледельческие орудия.

Новизной было и то, что, начиная с этой выставки свои экспозиции страны-участницы стали размещать в специально построенных ими национальных павильонах: здесь можно было увидеть тирольскую деревню, русскую избу, египетский караван-сарай, восточный минарет, турецкие бани,

китайский театр, английский коттедж, американское ранчо, голландскую ферму, японский киоск и реконструкцию римских катакомб. «*Толпы посетителей приходили посмотреть на бронзовую модель Петропавловской крепости работы петербургской Фабрики художественной бронзы, и резную деревянную избу, сооруженную без единого гвоздя плотницкой артелью из Владимирской губернии*» (Д.С. Григорович. Литературные воспоминания).

Впервые за рубежом были широко представлены картины молодых российских художников реалистического направления – В.Г. Перова, В.В. Пукирева, А.И. Мещерского, петербуржцев Г.Г. Мясоедова, Н.Н. Ге, К.Д. Флавицкого, А.А. Попова, М.К. Клодта, А.А. Риццони, А.Д. Литовченко, Т.Г. Шевченко, П.А. Суходольского, Б.П. Виллевалде (батальные работы), исторического живописца Ф.А. Бронникова и многих других, получивших высокие оценки зрителей и жюри.

Посещали выставку жившие в это время в Париже И.С. Тургенев, И. А. Гончаров. С большим успехом прошли на выставке четыре концерта русской музыки. Симфоническим оркестром выставки были исполнены произведения М.И. Глинки, П.И. Чайковского, Д.С. Бортнянского, А.Г. Рубинштейна, А.С. Даргомыжского и других композиторов. Вскоре, после закрытия выставки в свет вышел «Обзор Парижской всемирной выставки 1867 года», написанный Д.В. Григоровичем.

В 1868 году писатель избран почётным членом Академии художеств. В 1879 году Григорович выезжает за границу с целью пополнения петербургского и московского музеев. Он осматривает рисовальные школы в Вене, Мюнхене и Париже, приобретает для школ необходимые материалы. В «Отчёте о состоянии рисовальных школ в Вене, Мюнхене и Париже в 1879 году» он предлагает заимствовать некоторые методы профессионального обучения, позволяющие улучшить подготовку русских художников и, в свою очередь, отмечает прогрессивность русских школ живописи, отличающихся инициативностью учащихся, оживлённой творческой атмосферой. Григорович заботился о развитии эстетического вкуса учеников, об их эрудированности и самообразовании.

Благодаря инициативе Григоровича при Обществе поощрения художеств был организован музей, который, по отзывам в тогдашних газетах, «*может быть смело поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы*».

По просьбе императора Александра III Григорович принимает участие в формировании экспонатов будущего Русского музея в Петербурге. Это описи предметов Гатчинского дворца, дворца в Летнем саду, дворца в Ропше, Екатерингофского дворца, Елагинского, Зимнего дворца, Большого Петергофского, Петровского, Александровского в Царском селе и других.

В Русском музее находятся скульптурные и графические портреты Григоровича, в отделе рукописей хранятся его письма.

За свои достижения на посту главы общества Григорович получил статус действительного статского советника и пожизненную пенсию.

После почти тридцатилетнего перерыва Григорович вновь возвращается к литературному творчеству. В свет выходит его пронзительная повесть «Гуттаперчевый мальчик» (1883), которая и поныне числится в классике детского чтения. Трагическая судьба маленького сироты, ставшего цирковым акробатом, не оставила равнодушным ни школьника, ни взрослого. Истинная доброта и ледяное равнодушие, лишения одних и довольство других, светлое и тёмное, добро и зло – вот основные мотивы повести. Произведение переиздавалось множество раз и переводилось на иностранные языки. Именно детские образы позволили Д.В. Григоровичу остро раскрыть тему трагизма судьбы народа в условиях крепостнической России, поскольку именно перед детьми общество несет нравственную ответственность и именно дети – залог будущего. Поэтому произведение современно и сегодня. В 1957 году повесть была экранизирована, и все мы помним яркие образы, созданные прославленными мастерами прошлого: Алексей Грибов (Клоун Эдвардс), Михаил Названов (акробат Беккер), Андрей Попов (граф), Марианна Стриженова (графиня), Иван Коваль-Самборский (директор цирка).

Д.В. Григорович. Фотография с дарственной надписью Чехову: «От старого писателя на память молодому таланту». 1886

Источник: Чехов в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. М.М. Калаушин; Под ред. В.А. Мануйлова. – Л.: Учпедгиз. Ленгр. отд-ние, 1957.

Короткие, но ёмкие и точные воспоминания о человеческой щедрости Дмитрия Васильевича Григоровича оставил А.Ф. Кони: «Чуждый зависти и крайнего самомнения, способный сознаваться в своих промахах и ошибках, дружелюбно, вопреки господствующим нравам отзывавшийся о товарищах по перу, Григорович умел признать и горячо приветствовать талант в Чехове, когда к последнему относились ещё свысока и небрежно». Седовласый мэтр писал юному Антону Чехову: «Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий». Стоит ли говорить, что слово одобрения «старика Григоровича» было воспринято Чеховым как благословение, как нежданная «благая весть», полученная в ту пору, когда сам он не относился серьёзно к своему «писательству»: «Ваше письмо, мой добрый горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал...». Как и в случае с Достоевским, писатель чутким слухом

уловил дыхание таланта и поддержал его и ободрил. Через два года после письма Григоровича была написана «Степь» – один из первых и абсолютных чеховских шедевров...

Григорович неоднократно подчёркивал в своих записках, что осваивать русский язык ему было нелегко, а многие коллеги по писательскому цеху всячески старались уколоть его французским происхождением и соответственно, невозможностью, по их мнению, освоить русский язык и постичь жизнь простого русского человека. «Моя живость, истолкованная недостатком «разумного спокойствия» и легкомыслием, была, по мнению кружка Островского, совершенно, впрочем, естественным явлением со стороны человека, у которого мать француженка».

Сегодня, по истечении двух веков, мы осознаём, что всей своей жизнью Дмитрий Григорович совершал подвиг собственного становления, постигая и продвигая русскую культуру. Он не только освоил русский язык, но и стал поистине русским писателем, парламентарём русской культуры, с достоинством и по праву считавшим себя русским.

Материал подготовила Ольга ДАРАНОВА,
учёный секретарь Дворца книги –
Ульяновской областной научной библиотеки
имени В.И. Ленина

В апреле 2022 года в рамках областной выставки «Симбирская книга – 2021» состоялась научно-практическая конференция «Д.В. Григорович и русская культура второй половины XIX века».